

В. Н. Томалинцев

Поиск социокультурного основания примирения традиционализма и либерализма

В представленной работе рассматривается становление культурно-исторического феномена аристократизма. Анализируется, прежде всего, не кастовая или сословная его составляющая, но особая творческая способность, проистекающая из стремления к лучшему, (на что указывает сама этимология понятия) объединять и гармонизировать диаметрально противоположные начала консерватизма и либерализма. Особое внимание уделяется анализу взаимодействия традиционализма и новаторства в самом генезисе развития.

Ключевые слова: аристократизм, культура, развитие, консерватизм, либерализм, традиции, ценности, нормы

Vladimir N. Tomalintcev

Social and cultural foundations for reconciliation of traditionalism and liberalism

The presented work focuses on the establishment of a cultural-historical phenomenon of aristocracy. Analyzed, first of all, not caste or class its component, but a special creative ability, arising from the desire for the best (as indicated by the very etymology of the concept) to integrate and harmonize diametrically opposing principles of conservatism and liberalism. Special attention is paid to the analysis of the interaction between traditionalism and innovation in the genesis of development.

Keywords: aristocracy, culture, development, conservatism, liberalism, tradition, values, norms

Развлечение, игра становятся новой религией современного сознания. Пожалуй, даже в Древнем Риме периода упадка, девизом которого было «хлеба и зрелищ», развлечения не занимали такого места, как в наше время. Если в определенные эпохи игра и увеселения и приобретали особое, преобладающее значение, то это относилось лишь к высшим, господствующим сословиям и классам, в то время как народ продолжал трудиться. Справедливости ради следует сказать, что игра и развлечения в форме праздников и различных ритуалов не были чужды и простому люду, и деловым кругам, но все это укладывалось в известную формулу «делу – время, потехе – час».

Однако с некоторых пор однокоренные, но все же различные по смыслу слова «праздник» и «праздность» стали все более сближаться сначала в мечтах и чаяниях массового сознания, а затем и в социальной практике.

Сегодня игры и развлечения искушенного сознания нередко превращаются в игрища, которые принимают вид все более рискованных проделок и диких выходов, а острые ощущения становятся самой «твердой валютой». Об этом свидетельствует возникновение такого нового социального явления, как экстрим (паркур, движение риферов, зацепщиков, селфи и др.), нашедшего столь широкое распространение в современной молодежной среде.

Неизменными спутниками грубой ориентации на развлечения и наслаждения становятся жажда власти и тяга к быстрому обогащению, что, в свою очередь, порождает все более изощренные и цинич-

ные формы деятельности, отличающиеся не только сверх активностью, но и вседозволенностью. Для примера здесь достаточно сослаться на предприимчивость экстремистского толка, проявившуюся у «черных» ризлторов и сотрудников так называемых коллекторных агентств, всевозможными экзотическими способами выбивающих долги у населения, или неустанных авторов, бесконечно «совершенствующихся» и обновляющихся криминальных схем, направленных на разворовывание государственных и народных средств, множущихся способов казнокрадства, коррупции, кибермошенничества.

Во многом вина за нарастание подобных тенденций возлагается на средства массовой информации, политиков, идеологов современной культуры и искусства, проводящих в жизнь идеи упрощенно понятого либерализма. Действительно, вульгарная трактовка либеральной мысли, ее абсолютизация приводят к культурному параличу, когда основным пороком либерального сознания становится его полная неспособность, даже исходя из стратегических интересов самосохранения, противостоять или просто обозначить предел очередным, набирающим ход злокачественным процессам. В своем чистом виде либеральная и, прежде всего неолиберальная, система ценностей дает сбой, ибо она не знает где, на каком этапе попустительства, потакания возможно остановиться, так как любой акт запрета, попытка сдерживания расцениваются как предательство либеральных взглядов, как усиление авторитаризма, тоталитарных тенденций. По этой логике идут про-

Поиск социокультурного основания примирения традиционализма и либерализма

цессы оправдания пороков, создаются движения в защиту сексуальной свободы, наркомании и пр. И здесь срабатывает известная логическая ловушка «дай палец – оторвут руку».

Доктрина современного либерализма (лат. *liberalis* – касающийся свободы) любой запрет в отношении политики, экономики, культуры рассматривает как отход от собственных идей, как предательство собственных идеалов. Но проблема ограничений в проявлении активности, стихийного, спонтанного развития есть центральная проблема становления Человека и его культуры, поскольку само возникновение *Homo sapiens* – человека разумного, всей человеческой цивилизации было связано с известными формами табу и лимитации. При этом путем запретов, ограничений и норм, действующих в религиозных рамках, регламентах морально-этического, культурного и правового порядка, регулировались прежде всего межличностные и общественные отношения. По мнению А. Ф. Лосева, со времен Моисеевых заповедей культура есть система запретов.

Умение положить предел разрушительному процессу, во время поставить точку в обнаруженной тлетворной тенденции – это искусство стратегического мышления, которое способно обобщать, глубоко анализировать ситуацию, с учетом образных и рациональных моментов, отмечая и предусматривая все возможные последствия в долгосрочной перспективе. В стратегическом прогнозе превалирует не боязнь нового, неизвестного, не косность или консерватизм, но реальный инстинкт самосохранения и стремление к успешному саморегулированию и саморазвитию, исходящим из конкретных, объективных знаний.

Таким образом, в рассуждениях о культурном, творческом движении центральным пунктом остается вопрос о границах волеизъявления личности, ее свободы, ибо грань субъективного и объективного в определении и оценке добра и зла до поры оказывается скрытой в различии потенциалов. Ведь хорошо известно, что «благими намерениями выложена дорога в ад». Это, на самом деле, наиболее сложный и коварный вопрос, как будто специально внедренный в проблематику социокультурного развития с целью окончательно смутить человеческое сознание, заставив его смириться и оставить существующую проблему на милость высших сил.

Однако как можно ее оставить, если с этим нужно жить, притом в условиях непримиримой войны между представителями двух враждебных психологических личностных типов – либералов и консерваторов. При этом угрозы от победы первых уже становятся очевидными (возрастание международного терроризма, эмиграционный кризис в Европе, события на Ближнем Востоке и Украине, где попирается международное право, активизируется

манипуляция общественным сознанием и др.). В то время как победа вторых чревата возвращением к архаике насилия и произвола. Особенно опасны действия и тех, и других в их крайних, логически завершенных проявлениях.

Что делать?!

В сложившихся обстоятельствах необходимо восстановление иного, среднего пути, по которому с успехом на протяжении своей истории прошли все без исключения народы. Этот путь выработывался веками, а то и тысячелетиями. Он не только сохранил человечество, но и способствовал его становлению, развитию и расцвету. Речь идет о духовном, культурном пути аристократии.

В данном случае имеется в виду не столько родовое или сословное понимание аристократизма, сколько аристократизм духа в его широком смысле, вытекающем из его культурно-эволюционной природы, опорой которому служат незаурядное мастерство, высочайший профессионализм и глубочайшая квалификация, что обнаруживает себя во всех слоях общества. Нередко аристократы «протуберанцы» духа присутствуют среди крестьян и рабочих. Многие из таких природных гениев вошли не только в историю народного фольклора, но и в историю мировой культуры и искусства. Как известно, рабами были древнегреческие философ-стоик Эпиктет и баснописец Эзоп. Культурную славу России в немалой степени определили и те, кто по своему рождению относились к крепостным крестьянам: зодчий А. Н. Воронихин, художник В. А. Тропинин, поэты Т. Г. Шевченко, Е. И. Алипанов, М. П. Погодин и др. Многие из них благодаря таланту были выкуплены из рабства или получили вольную. Значительное количество выдвиженцев снизу принадлежит советскому периоду развития страны в области науки, искусства, общественно-политической деятельности, культуры в целом.

В Толковом словаре В. И. Даля находим: «Во всяком сословии и звании могут быть своего рода аристократы, считающие себя от природы и без заслуг выше других»¹. У Даля помимо родового, сословного, титулованного дворянства выделяется «аристократия богатства – денежная, именитое купечество; – ума, учености, цвет ученых, умных людей, образованности и пр.»². Даже в советское время высоко квалифицированных рабочих, обслуживающих прецизионные станки, автоматы и оборудование с программным управлением в народе называли «рабочей аристократией».

Само понятие «аристократия» происходит от греческого *aristokratia* – господство лучших. Аристократична сама Природа. Она развивается, эволюционирует, но всегда остается сама собой. Мы наслаждаемся морской и небесной синью, зеленью лесов и лугов, белизной снегов, прозрачностью вод, не требуя иного. Природа не подвержена моде,

стильным веяниям, поветриям или случайным увлечениям. В этом Природа предельно консервативна. Однако вместе с тем она изменчива и вариационна, что проявляется в эволюции ландшафтов, смене часовых и климатических поясов, погодных условий. И нередко преобразование природы происходит в весьма неожиданной, экстремальной форме.

Природный аристократизм находит отражение, как и свое продолжение, в высших проявлениях человеческого духа. Ибо «Человек, – по словам А. А. Ухтомского, – подходит к миру и к людям всегда через посредство своих доминант, своей деятельности»³. Если допустить, что истинного, реально действующего аристократизма объективно не существует, что это в большей степени мифическая категория, выражающая лишь чаяния людей, мечту и высший идеал, тогда откуда возникли такие высочайшие моральные качества человека как благородство, честь, совесть, великодушие, как вообще могли они осуществиться в истории? А дело в том, что лучшее проявляется у лучших. И самая главная заслуга аристократических натур состоит в их овладении творчеством, артистизмом, выступающими в значении тончайшего мастерства и **искусности**.

Аристократизм – это такой уровень развития организации духовной жизни, на котором формируются тончайшие душевные проявления, подобные стыду, совести, высокому художественному вкусу. Хороший тон и художественный вкус не ограничены по широте взглядов, по глубине эксперимента, они ограничены только высоким уровнем остроты восприятия действительности. Тонкий вкус не позволяет в разнообразных формах самовыражения прибегать к примитивизации и грубому упрощенчеству, непристойной пошлости, эпигонству и вульгарности. Аристократизм всегда достаточно чуток к внешним законам, нормам и установлениям, но более того, он ориентирован на внутренние психологические импульсы, исходящие от ощущения собственной предрасположенности, чувства личностного предназначения. Для аристократии духа нет движения вниз, есть только движение вперед и вверх. Об этом хорошо сказал французский философ Пьер Боаст: «Дурной вкус указывает на ущербность души». Поэтому понимание аристократизма исключительно как родословно-педантских, сановно-бюрократических, сословно-чиновничьих кругов неверно по существу, по внутреннему содержанию.

Традиционализм и либерализм – два важнейших основания, на которых возрастает культура, питающая аристократическое сознание – высшее порождение эволюции, овладевшее полетом мысли, способностью воспарять и предаваться мечтам, в то же время знающее цену возможности вернуться назад, на твердую землю, на почву

вековых традиций, народных обычаев, гражданских устоев. Два крыла культуры – консерватизм и новаторство – призваны уравнивать полет человеческих притязаний, постоянно возникающих в системе экстремальных координат развития. Способность синтезировать и синхронизировать такие противоречивые явления, как архаика и модерн, безусловно, есть признак высочайшего духа, не позволяющего человечеству сорваться в дурную бесконечность или подменить процесс совершенствования, утончения процессом истончения.

Одной из прекрасных сторон проявления аристократизма остается искусство. Однако с некоторых пор под личиной современного искусства возникли тенденции так называемого актуального или провокативного искусства, смело объявившего себя авангардом духовного развития, провозгласившего новый путь для художественного творчества, связанный с отображением всего безобразного и безобразного, что широко открыло двери сначала для проникновения в культуру, а затем для признания и пропаганды наихудшего, часто незрелого, профессионально слабого, нравственно и эстетически сниженного, в творческом и художественном отношении не состоятельного. Нередко это выглядит как реванш бесталанности, бездарности, воинствующей посредственности, не желающей приложить руки к труду в иной конкретной деятельности и вознамерившейся нажить капитал на поле вседозволенности, на которое изначально нельзя было заходить, на котором всегда лежало вековое табу. Механизм десакрализации, дегуманизации, деэстетизации искусства одним из первых обнажил Ганс Христиан Андерсен в короткой сказке «Новое платье короля».

В сфере искусства, художественного творчества есть место всему: драматизму, диссонансу, конфликту, но здесь не должна превалировать борьба, как и не должна быть видна работа. Во всем искусном, виртуозном преобладающим остается лишь эстетическое бореие, включающее в себя этические моменты, что проявляется в отдельных редких вспышках наилучшего. Именно в этом споре происходит художественное развитие, для которого не пустыми оказываются такие дефиниции, как «достоинство стиля», «высокий вкус», «хорошее художественное воспитание»... Подлинное искусство отличают не лобовые, прямолинейные удары по психике и сознанию, но тонкие, пронзительные уколы, обращенные к душевному миру человека, его эмоционально-чувственной сфере.

Художественное творчество в борьбе со злом должно не укорять и обвинять зло путем его демонстрации и тиражирования, но противопоставлять ему лучшее, наиболее благородное в примерах и образцах, нашедших выражение в экстремумах идеала, мысли и действия.

Поиск социокультурного основания примирения традиционализма и либерализма

Чтобы понимать и чувствовать духовную, ценностную сторону культурного развития, необходимо уважать и ценить традиции. Важно осознавать их метафизическое значение во взаимосвязи времен и поколений, как на уровне национального, так и общечеловеческого духовного опыта. Безумие ставить себя выше многовековой, тысячелетней логики развития народного творчества, сохраняющейся в преемственности писанных и неписанных законов, охранительного традиционализма.

Примером тому могут служить некоторые устои, нравы и обычаи русского православного мира, основы которого фиксирует «Домострой». В этом литературно-историческом памятнике XVI в. одна из центральных мыслей, высказанных в рамках идеи спасения души, предписывает человеку гордиться только тем, что сам сделал или произвел и, что именно этим живет. Независимый характер человека, обладающего подобным, во многом аристократичным мировоззрением, исходит из отрицания какой-либо возможности подчинения чужому способу производства, чужим товарам и услугам. Смысл такого существования, по сути, сводится к ведению автохтонного, натурального хозяйства, где нет места психологии потребительства, а в большей степени сохраняется ориентация на аристократизм, понимаемый как самостояние, независимое от посторонних, чуждых искушений и изысков.

Не идеализируя это положение, не возводя в Абсолют, тем более сегодня, нельзя не признать вместе с тем его важности для национальной самоидентификации народа, той идентификации, которую А. С. Пушкин обозначил в словах: «Любовь к родному пепелищу, любовь к отеческим гробам».

Дух аристократической самобытности, исходящий из стремления к самодостаточности и самоосуществлению, сохранялся и в русском старообрядчестве. Он ярко проявился в том, что именно из старообрядческой среды выдвинулись многие заметные и наиболее значительные представители русского делового мира: крупные предприниматели-промышленники, купцы, способные, соблюдая верность вере, традициям предков, одновременно чутко следовать требованиям времени, глубоко воспринимать все передовое, новаторское. Среди старообрядцев сформировались лучшие выразители идеи русского предпринимательства Третьяковы, Рябушинские, Мамонтовы, Морозовы и др. Их высокие деловые и человеческие качества парадоксальным образом обнаруживаются даже в том, что некоторые из них активно помогали революционному движению в России. В значительной степени это было связано с тем, что в идеях пролетарской революции они увидели возвращение к ценностям традиционной русской общины, из которой вышли.

Пример делового старообрядчества в России показал, что каждый народ в различные исторические периоды выдвигает свою самобытную элиту, своих представителей, определяющих национальную культуру.

И в этом отношении одной из центральных функций верно понятого аристократизма выступает воспитательный момент, роль которого состоит в поиске, оформлении и ясном выражении идеала, высшего примера, увлекающего за собой лучших представителей различных слоев общества. В своем движении и развитии общество должно опираться на эталон мировосприятия, тем самым задаются необходимые параметры социального существования.

Говоря о значении традиционализма в социальном развитии, необходимо обратиться к вопросам, до сих пор слабо изученным и мало обсуждаемым, и, прежде всего, заострить внимание на том, что позитивному социальному существованию противостоит не бездействие, но злодеяние, в своих крайних формах выступающее как экстремизм и терроризм. Относительная пассивность или бездеятельность – лишь равновесное состояние. В этом состоянии равновесности находится весь животный мир, в нем пребывало первобытное человечество. Буквально до наших дней в относительном бездействии (вне рамок экстремального развития) существовали многие коренные племена и народы Азии, Африки, доколумбовой Америки, Австралии. В известной степени, доля подобного мироощущения не изжита и в русской ментальности, что во многом определяется климатическими условиями, а также тем, что русский этнос осваивал восточные окраины Европы, которые соединились с громадной азиатской территорией и ее народами, включая Дальний Восток. Экстремальная активность европейской цивилизации всегда с осторожностью воспринималась в глубинах основной массы русского народа, в то время как иными цивилизациями Востока, Юга или Крайнего Севера, как правило, и вовсе отчуждалась. Лишь острая необходимость самосохранения, поиска средств защиты от открытой агрессии, западной экспансии, в последнее время принявших форму процесса глобализации, проводимой с помощью методов «мягкой силы» (пропаганда СМИ, навязывание психологии потребительства, идей общечеловеческих либеральных ценностей), подаваемых как культурно-политическая панацея) спровоцировала многие народы и государства поддаться идеологии европоцентризма, евроатлантизма, культивирующих экстремальные, форсированные, высоко конкурентные формы развития, породившие средства массового уничтожения, экологические проблемы, усиление роста социального расслоения, обострение крайностей феминистского движения и

т. п. Рональд Рейган в бытность его президентом США на вопрос корреспондентов: «Почему в мире столько недоверия?» – прямо ответил: «Народы не доверяют друг другу потому, что вооружаются, а вооружаются потому, что не доверяют».

У русского народа как у народов Востока и южного пояса сохраняется сильное стремление к естественному развитию. Выразителями этого явились великие русские писатели-классики: И. А. Гончаров, создавший образ Обломова, Л. Н. Толстой, написавший произведения «Исповедь» и «Круг чтения». Творчество Л. Н. Толстого породило целое направление его последователей – «толстовцев», выступавших за естественные, непринужденные, не оторванные от природы и не противоречащие ей формы человеческой деятельности. Стремление к естественному, первозданному неоднократно проявлялось и у многих представителей западной культуры и искусства. Среди них выделяются работы Генри Д. Торо («Философия естественной жизни»), Ральфа У. Эмерсона («Доверие к себе», «Природа»). Сюда же можно отнести произведения Марка Твена с описанием бесхитростных приключений Тома Сойера и Гекльберри Финна. В этом ряду оказываются романы Даниэля Дефо «Робинзон Крузо» и Джонатана Свифта «Путешествия Лемюэля Гулливера» и др.

Однако что касается русского народа, это настроение не покидало его никогда. Чтобы видеть это, необходимо не просто любить Россию, нужно ее понимать и чувствовать. Поэтому на русской почве так часто отстывает культ эстетства и ригоризма и, при всей способности русских умельцев достигать филигранного мастерства (легендарный Левша, механики И. И. Полозков, И. П. Кулибин, многочисленные мастера ювелирной фирмы Фаберже, других ремесел и промыслов), изящество и художественный, гляцевый изыск, как и техническая изощренность, не могут потеснить в России стремление к естественности и первозданности.

В живом мире никому, кроме человека, не свойственно стремление «выскочить из себя», противопоставить себя природе. Напротив, в природе работает системный принцип наименьшего действия. Это относится и ко многим крупным культурам и народам мира. Так в даосизме – учении, возникшем в Древнем Китае в VI–V вв. до н. э., сформулирован принцип недеяния. В то время, как в буддизме, господствует принцип «догматического развития», пришедший на смену вековому религиозному принципу «догматического консерватизма»⁴.

В XX в. лидер национально-освободительного движения Индии Махатма Ганди в борьбе против английской колониальной администрации использовал принцип «гражданского неповиновения».

Россия, находясь между Западом и Востоком, выработала свой менталитет, который определяли

не благодатный климат средиземноморья или зной песков, но русский мороз, сумрак осенних вечеров и мгла нескончаемых зимних ночей. Остается удивляться, что в таких географических и климатических условиях, в таком геополитическом окружении, русским людям удалось создать державу, недавно составлявшую 1/6 часть Земли.

В данном историческом контексте весьма удачным для дальнейшего развития России представляется принцип, выдвинутый Виталием Аверьяновым в работе «Природа русской экспансии», который определяется как «динамический консерватизм»⁵. Он хорошо согласуется с концепцией И. Шмальгаузена о «стабилизирующей эволюции». Такой подход мог бы стать основой для осмысления всей стратегии социального развития.

Рядом с принципами «динамического консерватизма» А. Аверьянова и «сохранения традиций» во весь рост встает принцип «сохранения народа», выдвинутый А. И. Солженицыным. На протяжении всего XX в. Россия теряла лучших. Революции, Гражданская и мировые войны, волны эмиграции забирали у страны самых достойных, наиболее активных, нравственно и интеллектуально одаренных людей.

Проявлять аристократизм – это не значит идти только по пути усложнения. Это значит, прежде всего, быть тонким, т. е. тонко мыслить и чувствовать. Сложность может оттолкнуть человека, но человек не останется равнодушным, глядя на подлинно изысканное и изящное, в высшей степени отточенное.

Тонкость, утончение – важный фермент развития культуры. В процессе эволюции утонченность реализуется как в области усложнения, так и в упрощении. В процессе развития утонченность перетекает в усложнение, а усложнение – в утонченность. Это также справедливо и в отношении упрощения. Не раз в истории культуры и искусства происходила смена эстетических предпочтений, когда экстремальность вызывающей пышности (выспренность, помпезность, парадность) уступала место экстремальности предельной утонченности (деликатности, тактичности, сдержанности).

На протяжении всей культурной истории человечества шел активный поиск оптимального формирования структуры общества, системы власти и их взаимодействия. Однако любое упорядочивание системы приводило к иерархии. На смену диктатуре и абсолютизму на Западе, деспотии и тирании – на Востоке приходят различные модели властных структур. С одной стороны, это **плутократия** (гр. plutokratia: plutos – богатство + kratos – власть) – господство богатых или **олигархия** (гр. oligarchia – власть немногих, от oligos – малый) – политическое и экономическое господство, правление небольшой кучки богатей. С другой – **охлократия**

(гр. *ochlokratia*: *ochlos* – толпа + *kratos* – власть) – термин Аристотеля – власть толпы, власть, перешедшая к восставшему народу. В своих крайних проявлениях это состояние переходит в **анархию** (гр. *anarchia*) – безначалие, безвластие, что выражается в общественном беспорядке и хаосе. Анархизм как теоретико-политическое движение (М. Бакунин, И. Кропоткин и др.) выступает за отмену и отрицание всякого государства.

В условиях Нового времени, в период утверждения буржуазных отношений, в Европе либерализм получил развитие и обоснование у Дж. Локка (теория общественного договора), А. Смита, Дж. Милля, а также у французских просветителей Монтескье, Гельвеция, Гольбаха и др., заложивших основы гражданского общества.

Политические и экономические движения современности, прежде всего, марксизм, гуманитарные общественные науки в целом вторглись в область социальных законов, в тонкую материю общественной жизни, не познав до конца главного – человека как основного составляющего ее элемента. Социализм (коммунизм), сняв, срезав вершины социальных экстремумов, нивелировав таким образом богатство и бедность, не справился с экстремумами, возникающими на уровне личного сознания, не принял в расчет личностные, экзистенциальные возможности, природный потенциал отдельных индивидов, силу их склонностей, талантов, желаний, меру физических ресурсов, уровень честолюбия или тщеславия, степень материальных и властных притязаний, нравственных качеств, т. е. всего того, что определяет индивидуальное предназначение человека.

В силу характера, особенностей индивидуальной нервной системы, каждый человек сосредоточен на том, что острее его затрагивает, острее привлекает его интерес. Вместе с тем на субъективные факторы, определяющие остроту человеческого восприятия, накладываются объективные моменты, способствующие либо противодействующие концентрации сознания. К ним можно отнести обстоятельства, привносимые извне и, в первую очередь, специфику внешних условий, атмосферу ближнего круга общения, общий ход, злободневность исторического развития. Так, например, политические и экономические реформы, назревшие уже к концу XVIII в., и своевременно предложенные М. М. Сперанским, советником Александра I, были не только прозрением их автора, но и насущной исторической необходимостью для будущего развития России. Между тем сложившаяся к тому времени в стране обстановка не позволила довести задуманное до конца. Мало того, реформы на долгое время были остановлены, вплоть до момента отмены крепостного права, осуществленной императором Александром II.

Среди моделей социально-политических структур Новейшего времени выделяется модель, предложенная и описанная Майклом Янгом в его антиутопии «Возвышение меритократии» (1958). Термин «меритократия» (лат. *meritus* – достойный и гр. *kratos* – власть) обозначает власть, основанную на заслугах, которая противопоставлена как **патернализму** (лат. *paternus* – отцовский, отеческий) – форме власти, опирающейся на лояльность и преданность, так и **демократии** (гр. *demokratia*: *demos* – народ + *kratos* – власть) – власть народа, поскольку меритократия предполагает опору на элиту, принадлежность к которой определяется в большей степени интеллектом, способностями и компетентностью, нежели происхождением.

По словам Уинстона Черчилля, лидера консерваторов, занимавшего пост премьер-министра Великобритании в период Второй мировой войны: «Демократия самая ужасная форма правления, но лучше до сих пор ничего не придумали». Эти слова произнесены главой правительства той страны, в которой монархия была низвергнута, восстановлена (XVII в.) и существует до наших дней, венчая собой хорошо известный традиционализм и аристократические устои британского общества.

«Аристократизм» – это определение, в котором ключевой является первая часть – гр. *aristos* – лучший. Очищенное от стихийных, привнесенных сложным ходом истории наслоений, оно должно занять свое подобающее место среди культурных дефиниций и институций, так как верное значение аристократизма в его широком смысле понимается как «привилегированная верхушка какого-либо класса или социальной группы»⁶. К этому следует добавить, что многие претензии, относящиеся к аристократической форме правления, развитию общества на принципах аристократизма во многом остаются справедливыми. Однако вместе с тем в значительной мере они проистекают из неправомерного отождествления исторически преходящих реалий становления аристократизма с его сущностными чертами и свойствами. Неслучайно синонимами аристократизма остаются понятия «изысканность», «изящество», «изощренность», «утонченность», «тонкость»⁷.

Здесь важно быть правильно понятым, поскольку речь идет о том, что верно выстроенные, взвешенные отношения между принципами аристократизма и демократии отнюдь не отменяют и насколько не противоречат выборности властных структур, оптимальному развитию, конкурентным отношениям. Духовно-социальный облик аристократизма подпитывается вдохновением, исходящим от всего высокого и, не столь уж важно, традиционалистского или новаторского толка.

Вдохновение – это особое состояние чуткой природы, подъем ее духовных и душевных сил,

творческого волнения. Вдохновение является результатом «чрезвычайной обостренности памяти, внимания, страстной воли, направленной на реализацию идеи»⁸.

Опасны не консерватизм или либерализм сами по себе, представляющие собой общественно-политические течения. Опасны их крайние проявления. А крайности, как известно, сходятся, в данном случае это фашизм, тоталитаризм, волюнтаризм, банальная преступность. Коротко это можно сформулировать как **диктат произвола**.

Но нужна ли истина диктатуре произвола? Что будет она делать с истинным знанием о себе, о свободе, о смысле своего экстремального развития, которое все более отрывает человечество от природы, загоняя в тупик само развитие.

Сегодня иные выходцы из различных страт общества, обольстившиеся внешними проявлениями аристократизма, оказались способны лишь обуржуазиться, породив опасный класс выскочек и нуворишей, которые в большей степени деформируют, убивают культуру, нежели развивают ее. Склонность нового класса к кастовости, точнее псевдокастовости, основывается на реакционности, ретроградности, обскурантизме, что характеризует многих удачливых дельцов и прожженных парвеню. Напротив, живой аристократизм оттачивает все детали человеческого существования, что отвечает требованиям реализации экстремальных принципов, действующих в природе, выражаясь в стремлении к виртуозности и разнообразию.

Аристократизм представляет собой концентрацию тончайших нюансов культурного развития. Наиболее близким к нему явлением оказывается интеллигентность. Однако в отличие от интеллигентности – состояния, которое может быть приобретенным («лишние люди» из разночинной интеллигенции, хорошо описанные в произведениях А. М. Горького; работники поденного умственного труда), подлинный аристократизм – свойство врожденное, часто не зависящее от происхождения, но связанное с уровнем психофизической организации, высотой таланта и природным благородством.

Все, кто в своем умонастроении когда-либо поддавался обаянию, потянулся к традиции, духу и самому настрою истинного аристократизма (лучшие представители буржуазии, интеллигенции, включая интеллектуалов и разночинцев), всегда следовали принципу соблюдения единства консерватизма и либерализма. И здесь уже, как видим, речь идет не о словесном, а о культурном смысле элитарности, «вытекающей из существа личности как степени человека»⁹.

Таким образом, здоровый аристократизм остается единственной возможной основой, способствующей воссоединению двух сторон культурного развития, верно понятых ценностей консерватизма

и либерализма, представленных не в крайних, болезненных и язвенных формах, но в лучших высших и оптимальных своих проявлениях. И в этом случае аристократизм – это уже не столько политический, сколько культурно-исторический феномен, выступающий как движущая сила духовного развития. Ибо стремление к лучшему есть глубочайшая потребность всего общественного процесса.

Известные поэтические строки Анны Ахматовой: «Когда б вы знали, из какого сора / Растут стихи, не ведая стыда»¹⁰, – можно отнести ко всей культуре, включая генезис аристократизма. Но важен конечный результат, важно и существенно то, что в процессе развития присутствует момент преобразования, когда стишки и вирши превращаются в высокую поэзию, а сорная трава оборачивается прекрасными цветами.

Существенной чертой социокультурного феномена аристократизма является поступательное движение, дальнейшая эволюция человеческой природы, протекающая путем **утончения**, путем обретения изысканности и изящества во всех своих проявлениях и, прежде всего, в делах и мыслях. Процесс утончения приводит не только к гибкости (адаптивности), но и к тем моментам обострения, остроты человеческого духа, которые помогают проникать в новые пласты бытия, новые глубины человеческой души.

Эти качества необходимы и современной элите, в том числе и российской. На протяжении тысячи лет она справлялась с державным строительством России на просторах Евразии, несмотря на специфически сложные географические, климатические и геополитические условия. Задача современных аристократов духа – сохранить опыт предков и преумножить его.

Примечания

¹ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1951. Т. 1. С. 22.

² Там же.

³ Ухтомский А. А. Доминанта. СПб.: Питер, 2002. С. 352.

⁴ Абаев Н. В. Чань-буддизм и культурно-психологические традиции в средневековом Китае. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1989. С. 105–107.

⁵ Аверьянов В. Природа русской экспансии. М.: Лепта-Пресс, 2003. С. 168.

⁶ Словарь иностранных слов / ред. И. В. Лехина, Ф. Н. Петрова. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1954. С. 71.

⁷ Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка. М.: Совет. энцикл., 1969. С. 27, 180.

⁸ Психология: словарь / ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. М.: Политиздат, 1990. С. 48.

⁹ Пинский Л. Е. Бальтасар Грасиан и его произведения // Грасиан Б. Карманный оракул; Критикон. М.: Наука, 1984. С. 535.

¹⁰ Ахматова А. А. После всего. М.: Изд-во МПИ, 1989. С. 145.